

наоборот во множестве использует различные конструкции; Пахомий их избегает, зато у него часто употребляется сочетание *бльше* + инфинитив, а в значении подчинительных союзов используются церковнославянские сочинительные, и т.д. Заслуга автора, несомненно, и в том, что он подводит нас к новым направлениям в данной области исторического знания. Решая проблемы, автор ставит новые вопросы на будущее.

Подробно рассмотрен словарь изученных "Житий". Он достаточно велик. В "Житии Стефана Пермского" около 4500 слов на 31 тысячу словоупотреблений, распределенных по 30 тематическим группам. Для средневековых текстов это исключительный пример, особенно, если учесть обилие глассов и окказиональных значений, как бы впаиваемых в формулу авторского текста. Для Епифания характерна чисто русская особенность построения текста: "глагольная его основа" (не эпитет, не имя в центре повествования, а именно глагол, образно показывающий новый признак в его развитии).

Текст книги изложен хорошим русским языком, от которого мы уже отвыкаем в филологических штудиях, он не содержит каких-либо лишнего, постороннего и вообще чисто внешних особенностей изложения, стиля или терминологии: содержание книги гармонично согласуется с ее формой. Прозрачность описания иногда создает иллюзию легкости, с которой мог быть написан текст. Однако стоящий за этим текстом обильный материал и умелый его анализ снимают такое представление у всякого, кто сам когда-либо погружался в бесконечную вязь средневекового текста во всех его бесчисленных вариациях, на первый взгляд — не

поддающихся какой-либо классификации или какому-то осмыслению. Этой своей особенностью книга станет хорошим пособием по изучению языка средневековых житийных текстов.

Замечаний по тексту не очень много. Есть кое-какие упущения по библиографии: изложение материала временами кажется избыточным: М.В. Иванова как бы любит собранными фактами, пытаясь донести до читателя свое восхищение старым текстом (но, может быть, и убедить в справедливости сделанных выводов). К числу замечаний необязательного характера можно отнести следующее: морфологические особенности текстов описываются только со стороны формы (например, в а р и а ц и и флексии *-ть* или *-тъ*), хотя в текстах заметны и некоторые категориальные изменения (в категориях рода и числа).

Вот, пожалуй, и все, что мог бы сказать рецензент, не навязывая автору своего собственного видения материала, проблем и результатов исследования.

В заключение хочется выразить удовлетворение в связи с тем, что молодые русисты возвращают в русскую филологию жанр основательного исследования. После многих лет разбирательства о том, кто и в чем именно сделал больше и лучше, после различных квазитеретических измышлений, не обоснованных фактами, такого рода исследования воспринимаются как свежий глоток, как надежда на то, что плодотворная линия классической русистики будет продолжена на новых теоретических и методологических основаниях.

В.В. Колесов

Язык и речевая деятельность / Гл. ред. В.В. Касевич. Санкт-Петербург, Т. 1 — 1998, Т. 2 — 1998. Изд-во Санкт-Петербургского Университета. 248 с. + 362 с.

Новый ежегодный журнал "Язык и речевая деятельность" задуман как издание Петербургского лингвистического общества, столь же нового, как и сам рецензируемый журнал. Журнал печатает статьи по теоретической фонетике и фонологии, по типологии, по философии языка, по когнитивной лингвистике, по проблеме соотношения языка и культуры и др. Название журнала — "Язык и речевая деятельность" — выбрано не случайно. Из него следует, что Редколлегия видит журнал ориентированным главным образом на теоретическое

изучение языка в его функционировании. Но есть и признание того, что язык, существующий прежде всего для обеспечения коммуникации, сохраняет известную автономность как объект исследования — и с точки зрения внутренней логики своего устройства, и в плане соотношения с иными когнитивными и культурными структурами. Как указывает Редколлегия в своем Предисловии к первому номеру журнала (1998), последний по времени публикации сборник трудов Л.В. Щербы был назван его редакторами "Языковая система и речевая

деятельность", и в перекличке названий Редколлегия хотела бы видеть перекличку идей: ведь Щерба – и это едва ли кто-то станет отрицать – одна из знаковых фигур для отечественного языкознания, а в особенности, для языкознания петербургско-ленинградского.

Одна из задач журнала – помочь читателю разобраться в различных течениях лингвистической мысли, в различных лингвистических концепциях – как современных, так и более ранних. С этой целью в журнале будут систематически публиковаться обзоры, посвященные как отечественным, так и зарубежным школам, а также истории лингвистической науки. Редколлегия будет сотрудничать не только с лингвистами всех направлений, но и с учеными, представляющими смежные науки: автоматический анализ и синтез речи, а также другие области языковой инженерии.

Основным языком журнала является русский (с обязательным резюме содержания статьи на английском языке). Наряду с русским, в журнале печатаются статьи и другие публикации на английском языке, а в отдельных случаях также на французском и немецком (статьи на иностранных языках сопровождаются резюме на русском языке).

Первый том рецензируемого журнала открывается рубрикой "Вопросы общей теории и синхронного описания языков". В этот раздел включены восемь статей. Статья недавно скончавшегося Л. В. Сахарного "Тема-рематическая структура текста: основные понятия" посвящена рассмотрению тема-рематических конфигураций. Основными свойствами текста традиционно считается *цельность* и *связность*. При этом связность представляет собой собственно лингвистический феномен, ее средствами обеспечивается сочетаемость элементов на различных уровнях организации текста. Цельность же как психолингвистическая категория, не имея специальных средств для своего выражения, соотносится с содержанием текста в целом и может быть обнаружена по ассоциации с другими, синонимичными, текстами, т.е. имеет парадигматическую природу. Цельность может быть представлена в виде древовидной иерархии смысловых компонентов текста (субцельностей). Между такими субцельностями устанавливаются тема-рематические отношения, где цельность более высокого порядка является темой для цельности более низкого порядка. В общем виде порождение текста рассматривается как процесс развертывания цельности (темы) путем выделения смысловых

блоков (рем). Данная модель позволяет представить текст в виде иерархической организации тема-рематических структур разной степени сложности, перевода, таким образом, разговор об анализе цельности, ее структурировании и характере отражения в тексте на операционный уровень. Отметим, что автор рассматривает цельность как базисный феномен в психолингвистической теории текста. Цельность – это особого рода психолингвистическое явление, возникающее в психике человека как **бессознательное** (или в принципе полностью не осознаваемое) динамическое представление о некотором объекте. Это представление можно охарактеризовать как чувственное, слитое с переживаниями субъекта и обусловленное его отношениями к миру; к нему приложимы такие понятия, как *симультанность*, *интегральность*, *континуальность*, *диффузность*, *аморфность*.

Статья А.В. Бондарко озаглавлена "Функциональная модель грамматики (теоретические основы, итоги и перспективы)". Автор предлагает модель грамматики, основанную на понятиях функционально-семантического поля (ср. такие поля, как *аспектуальность*, *темпоральность*, *локативность*, и соответствующие категориальные ситуации – *аспектуальные*, *темпоральные* и т.п.). В статье рассматривается соотношение "функция – система и среда". Исследование грамматических значений и функций связывается с проблемой межкатегориального взаимодействия. Функционально-семантическое поле трактуется как группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории (с. 20). Функционально-семантическое поле соотносится с понятием **категориальной ситуации**, трактуемой как один из аспектов "общей ситуации", передаваемой высказыванием, как одна из его категориальных характеристик. При анализе функционально-семантического поля категориальной ситуации важную роль играет разграничение и соотнесение различных уровней (аспектов) семантики. В связи с этим ставится ряд взаимосвязанных вопросов: значение и смысл; универсальные мыслительные основания языковых значений и их *идиоэтнические* элементы; специфика языковой интерпретации смыслового содержания; смысловая основа и интерпретационный компонент языковых значений; форма как способ представления смыслового содержания; исходно-семанти-

ческое и исходно-формальное направления анализа и описания языкового материала. Исключительно важно разрабатываемое А.В. Бондарко понятие языковой среды.

В том же разделе опубликована статья В. Б. Касевича "Онтолингвистика, типология и языковые правила". Онтолингвистика – область (психо)лингвистики, которая занимается становлением и развитием языка в онтогенезе. Статья посвящена главным образом усвоению русской глагольной парадигмы в свете некоторых типологических соображений. Как указывает автор, глаголоподобные слова появляются уже в период двусловных высказываний: ср. *Миса наль* вместо *Миши упал*, где имеющееся окончание не создает формы, так как оппозиций еще нет, псевдоформы заучиваются как некие целостности. "Глагол" выделяется лишь позиционно, что напоминает грамматику **изоляции**. На стадии многословных высказываний представлены уже **разные формы одного глагола**. Нередко они аграмматичны в силу сверхгенерализации правил (ср. *искаю* вместо *ищу*), что сближает соответствующие грамматические процессы с **агглютинацией**. Лишь впоследствии результат обобщенных правил трансформируется применением более частных правил: ср. *иск-а* – *иск-а-й* – *иск-и-у*. Именно такой процесс уже носит **флективный** характер. Использование в раннем онтогенезе типологически различных приемов аналогично производству самых разных гласных и согласных в период лепетной речи, в связи с чем в статье вводится представление о "синтаксическом лепете".

За статьей В.Б. Касевича следует статья А. А. Горбова «О понятии "способ действия" и его отношении к аспектуальности». В статье рассматриваются две концепции способов действия, представленные в современной русистике: "грамматико-семантическая" и "словообразовательно-модификационная", а также соотношение понятия способа действия (в каждой из названных трактовок) и аспектуальных классов глаголов, базирующихся на оппозиции предельности/непредельности. Проведенный анализ показывает, с одной стороны, предпочтительность трактовки способов действия (СД) как формально выраженных модификаций значения глагола, а с другой стороны, – отсутствие прямой и непосредственной связи этих модификаций с аспектуальными характеристиками глагола.

Статья Б. В. Мера (ФРГ) написана на

английском языке и называется "Единицы нарративного дискурса и факторы, ответственные за хронологию ситуаций, в польском и немецком языках". Предметом рассмотрения автора является временная структура в устных пересказах и письменных сочинениях польских и немецких учащихся. Устанавливаются четыре типа хронологических факторов (естественная, акциональная, лексическая и иконическая хронология) и оценивается влияние типологических особенностей обоих языков на степень использования каждого из этих факторов. Оказывается, что существование грамматической категории вида в польском языке и ее отсутствие в немецком заметно влияют на взаимоотношение между акциональной и лексической хронологией лишь у более молодых информантов (10–13 лет), в то время как у старших информантов (18–19 лет) практически не наблюдаются количественные различия по использованию лексических средств маркирования ситуационных типов (последовательность, параллелизм, наступление события на дуративном фоне). Кроме возраста, при распределении упомянутых факторов существенную роль играет также тип дискурса. Частотность подчинительных конструкций в речевой продукции испытуемых в целом весьма низка: подчинительные структуры выполняют не столько темпоральные, сколько тематические функции.

На английском языке написана также статья Р. Г з е л л я (Франция) "О глагольной сериализации в литературном тайском языке". Употребление сериальных глагольных конструкций, т.е. цепочек глаголов, выступающих в качестве сложного сказуемого предложения, принадлежит к характерным типологическим чертам изолирующих языков Юго-Восточной Азии, равно как и ряда языков Западной Африки и других ареалов и семей. Основные принципы формирования сериальных конструкций в тайском языке можно представить следующим образом: 1) глагольная цепочка отражает одну макроситуацию, хотя входящие в нее глаголы выступают в общем случае как лексические, а не грамматические элементы; 2) глаголы не соединяются союзами; 3) глаголы не обладают взаимной предсказуемостью; 4) лишь первый глагол обладает валентностью на подлежащее; 5) потенциальные подлежащие остальных глаголов цепочки кореферентны подлежащему первого глагола, но они не могут иметь поверхностного выражения; 6) лишь первый глагол сочетается с отрицанием; 7) некоторые актанты (отвечающие семантическим

ролям агенса, пациенса и некоторым другим) могут вставляться в сериальную конструкцию. Можно утверждать, что особые свойства глаголов в сериальных конструкциях тесно связаны с полифункциональностью морфемы в тайском языке. Существует тенденция к грамматикализации компонентов сериальных конструкций. В то же время процесс грамматикализации носит постепенный характер, причем разные глаголы обнаруживают различную скорость перехода в служебные элементы. Новые грамматические морфемы способны удерживать свой исходный семантический потенциал, что позволяет им подвергаться вторичной реинтерпретации и обратному переходу в ранг знаменательных лексем. Несмотря на существование в современном литературном тайском достаточного количества служебных элементов, составляющих разветвленную систему, в разговорном языке, равно как и в нарративных текстах фольклорного характера, обнаруживается предпочтение к использованию лексических средств, семантически изофункциональных грамматическим, что и стимулирует использование сериальных конструкций; последние, по-видимому, лучше отвечают стремлению показать реальную сложность и изменчивость описываемых ситуаций.

В статье А. В. Циммерлинга (Москва) "История одной полемики" обсуждается гипотеза Л.В. Щербы (1928) о том, что неизменяемые глагольные предикаты образуют в русском языке новую часть речи — категорию состояния. Последователи Л.В. Щербы придали его гипотезе типологический аспект, поставив вопрос о том, что слова с предикатной семантикой состояния имеют в разных языках тенденцию конституироваться в виде единого дистрибутивного класса. В то же время сами слова, подводимые Л.В. Щербой под гипотетическую часть речи, не получили адекватного описания в русистике: и сторонники, и противники Щербы высказали ряд эмпирически неверных утверждений о сочетаемостных связях и значении предикативов. В рассматриваемой статье изучаются продуктивные модели образования предикативов от основ прилагательных и делается вывод, что наиболее общим семантическим признаком русских предикативов является неспособность обозначать родовые положения дел и положения дел, не соотношенные с экспериментальным субъектом: анализ показывает, что данному признаку удовлетворяют не все предикативы с финально -*о*. Близкая параллель обнаруживается в древнеисландском языке, где выделяется несколько сот

именных словоформ, специализированных в функции сказуемого. При этом в русском языке генерализована аналитическая стратегия развертывания высказываний с субъектом состояния (ср. *У меня тяжело на душе*), в то время как древнеисландский тяготеет к инкорпоративной стратегии (буквально в древнеисландском представлено *Мне душе тяжело*). Автор приходит к выводу, что в русском языке не происходит формирования новой части речи; постулируемый Л.В. Щербой механизм формирования категории состояния недостоверен; уровень обособления слов, подводимых под категорию состояния в современном русском языке, не дает права строить эволюционную шкалу, конечным пунктом которой является консолидация предикативов как единого дистрибутивного класса с инвариантной семантикой.

Раздел завершается статьей Хуана де Диос Луке Дурана и Франсиско Хосе Манхон Посаса "Испанский язык и национальный характер испанцев (пример видения мира)". В статье рассматривается фразеология, связанная с корридой и демонстрирующая, насколько велико влияние этого типично испанского феномена на формирование испанского национального характера, менталитета испанцев. В современном испанском языке сотни фразеологизмов построены именно на метафоре корриды и не могут быть истолкованы вне данного метафорического пространства. Анализ материала показывает, что речь отнюдь не идет о застывших словарных единицах, как это предполагалось более ранними исследователями; напротив, современные литература, масс-культура, публицистика постоянно порождают новые речения, которые построены на аллюзиях, связанных с миром тавромахии. Иными словами, коррида предстает как своего рода матрица для структурирования опыта и отображения его языковыми средствами. Жизнь и смерть, проявления мужества, любовь интерпретируются в типичном случае в терминах тавромахии, которая выступает в роли некой универсальной метафоры. Особое внимание на разнообразном языковом материале (поэзия, песенное творчество) уделяется метафорическому приравнению любовных отношений к корриде: любовь воспринимается как схватка, в которой мужчине чаще всего уготована роль тореро. Отметим, однако, что уже в языческой символике соитие и рождение приравнивались к столкновению волн или к схватке великанов, к космическим катаклизмам.

Следующий раздел рассматриваемого журнала озаглавлен "Диахроническая лингвистика". В него включено три статьи. В статье Н. Л. Су х а ч е в а и Н. Н. К а з а н с к о г о "Семантика и глубинные реконструкции индоевропейского уровня" указывается, что индоевропейский компьютерный тезаурус задуман авторами как свод этимологических данных с подробными комментариями по фонетике, морфологии и лексике индоевропейских языков с упором на максимальное использование семантических критериев. При переводе на компьютерную форму появляется возможность оперировать более полным, чем в этимологических словарях, списком значений, расклассифицированных по критериям, используемых в современных толковых и двуязычных словарях, а также описанием контекстуальных значений. Тем самым компаративистика может быть значительно пополнена материалами, касающимися семантики различного уровня в исторически засвидетельствованных индоевропейских языках. Семантическая реконструкция благодаря такому подходу может учитывать различия, существующие между прагматически ориентированным речевым мышлением и логикой дискурсивного (вербализованного) мышления. В языковом континууме эти типы сосуществуют и требуют специальных усилий при их разграничении.

Статья И. М. Д љ а к о н о в а "Внешние связи шумерского языка" посвящена рассмотрению возможных связей шумерского и языков мунда. Обнаруживается параллель между "категорийным -а" мунда (показатель любых спрягаемых глагольных форм) и шумерским -а (показатель придаточного предложения, пассивного причастия). Показатель множественного числа в мунда, -*ko* или -*ku*, находит соответствие в шумерском *ka*, которое служит для образования одного из типов множественного числа. Структура слова в мунда аналогична шумерской. Сравнительный лексикологический список состоит из 34 пунктов, включая служебные морфемы, лексические совпадения типа шум. *ga2* и кхервари *gač* "убивать"; шум. *xa* "рыба" и кхервари *ha-i* "рыба". И.М. Дьяконов в своей интересной статье пытается доказать правильность мысли о единстве австралазийской языковой семьи или, вернее, макросемьи, включающей раздельные (но родственные) семьи — мон-кхмерскую, мунда, шумерскую и, возможно, австралийскую. Эта мысль впервые была высказана еще в начале XX века В. Шмидтом, но позже, в середине столетия, была

отвергнута авторитетными лингвистами, по крайней мере с точки зрения родства австралийской семьи с шумерским. Автор заново рассматривает вопрос о родстве между шумерским и мунда, в частности группой кхервари (языки сантали и мундари).

В разделе "Диахроническая лингвистика" обращает на себя внимание статья автора из США, специалиста по древнеисландской фонетике А. С. Л и б е р м а н а "Новый этимологический словарь английского языка". Мы позволим себе подробно остановиться на этой статье. Автор делится с читателями своими "находками", полученными им в процессе составления "принципиально нового" этимологического словаря английского языка, которые, как он пишет, известны лишь "узкому кругу лиц" (с. 115). При этом А.С. Либерман обрушивает шквал "критики" на большинство авторов, занимавшихся английской этимологией до него. Так, крупнейший лексикограф, автор трех фундаментальных словарей Э. Парtridge назван им "дилетантом". В равной мере А.С. Либерман утверждает, что автор самого престижного и единственного этимологического словаря древнеанглийского языка Ф. Хольтхаузен был выдающимся знатоком истории английских слов, но по его словарю "об этом догадаться невозможно" (с. 117). Однако, критикуя этимологические словари, А.С. Либерман обращает больше внимание главным образом на их маргинальные недостатки, полностью игнорируя принципиальные, основные изъяны этих словарей. Так, он указывает на то, что авторы многих этимологических словарей переписывают этимологии столетней давности; он обращает внимание на то, что в мире отсутствует центр по изучению английской этимологии, где этимологизирование могло бы проводиться на вполне профессиональном уровне: в крупные издательства, выпускающие этимологические словари английского языка, постоянно приглашают консультантов, однако деньги, выделенные на этих людей, тратятся почти без толку (с. 118). Далее указывается, что штатный сотрудник издательства, заваленный текущей работой, не может внести достойного вклада в изучение спорных английских слов (с. 118). Отметим прежде всего, что этимологический словарь, как и другие научные работы, является по преимуществу творением автора или коллектива авторов, а не сотрудников издательства и даже не компьютера. Словарь отражает творческие возможности того или иного автора и его науч-

ное кредо. Существенными же недостатками известных английских этимологических словарей, которые автор "не заметил", сводятся к следующему. Авторы большинства английских этимологических словарей даже не пытаются выяснить первичную метафору (или несколько метафор), которая лежит в основе значения того или иного слова (это можно сделать только на основе изучения категорий древней индоевропейской культуры и языческой символики, которые не используются ни в одном словаре). Авторы английских этимологических словарей не выясняют "траекторию" развития того или иного значения на основе известных лексико-семантических универсалий. Следование фонетическим законам, само по себе важное и необходимое, не дает возможности судить о развитии значения. В этимологических словарях английского языка обычно представлена так называемая "линейная", "одномерная" этимологизация (одно значение — одно семантическое соответствие); совершенно не проводится **многомерное** этимологическое исследование, которое исходит из признания множества метафор у древнего слова¹. В опубликованных английских этимологических словарях не учитывается явление мены согласных в различных позициях в слове, в частности подвижные формативы, прибавление или опускание согласного в начале слова², не приводятся семасиологические параллели для доказательства оправданности того или иного перехода значений. Указанные недостатки свойственны и практике этимологизирования самого А.С. Либермана, что становится вполне очевидным при рассмотрении его "критических замечаний" в отношении этимологических исследований других лингвистов, а также и его собственных этимологий. Этимологизи-

рование в "одномерном пространстве", игнорирование известных лексико-семантических универсалий и данных диалектологии, антиисторичность в подходе к анализу значения слова, полное игнорирование фактов истории материальной культуры и древней символики — вот тот "инструментарий", который определяет "научное видение" А.С. Либермана в области этимологии.

Особое внимание А.С. Либерман уделяет этимологическим исследованиям М.М. Маковского, хотя те работы М.М. Маковского, которыми он пользовался (за исключением "Английской этимологии"), не имеют непосредственного отношения к этимологизированию английских слов. По мнению А.С. Либермана, "в докторской диссертации и в более поздних своих статьях и книгах" М.М. Маковский "предложил сотни новых и совершенно невероятных этимологий" (с. 119). Начнем с того, что в докторской диссертации М.М. Маковского "Сравнительно-историческая диалектография английской лексики" (1969) никаких этимологий вообще не предлагалось: в ней рассматриваются возможности установления диалектных различий в лексике древнеанглийского языка и соответствия древнеанглийским диалектным словам на современной территории распространения германских языков (изолексы и изосемы). Книги же М.М. Маковского действительно посвящены проблеме этимологии и А.С. Либерман "критикует" некоторые из них. Рассмотрим эти этимологии. А.С. Либерман, указывая на приводимое в работах М.М. Маковского английское слово *adce* (др.-англ. *adisa*) "плотницкий топорик", никак не может понять, каким образом это слово может соотноситься с др.-англ. *āe dre* "вена", а также с др.-англ. *ād* "огонь, костер", *adl* "болезнь" и *āe dele* "славный". Такие "недо-разумения" у А.С. Либермана постоянно происходят потому, что он совершенно не знаком с древней индоевропейской символикой и с языческой мифологией, использование которых при этимологизировании необходимо. В самом деле, топор (как и меч) в символике древних индоевропейцев олицетворял Божество, сотворившее Вселенную рассечением (рассечение — творческое начало) Хаоса (ср. др.-инд. *adi* "начало" как олицетворение Божества, родоначальника всего сущего, + хет. *essa* "творить, создавать", а также и.-е. **es-* "бытие" как результат божественного разрыва Хаоса). С другой стороны, Божество олицетворялось огнем, огненной вертикалью; ср. др.-англ. *ād* "огонь, костер" + и.-е. **as-*

¹ Так, понятие "бог" может соотноситься со следующими метафорами: "далекий"; "невидимый"; "молчаливый"; "распределитель, дающий (судьбу)"; "гневный"; понятие "голый" соотносится со следующими метафорами: "светлый" → "сияющий" → "божественный" → "святой" (нагота символизировала святость).

² Речь идет о таких явлениях, как англ. *land* "земля, земное пространство", но арм. *and* "поле"; и.-е. **uet-* "время", но тох. *A laute* "время", и.-е. **ai-* "part, share"; но и.-е. **dai-* "part, share"; ср. также: лат. *acrima* — *dacrima* — *lacrime* "слеза"; др.-англ. *tung*, лат. *lingua*, тох. *A kanti* "язык".

"огонь"³. [ср. др.-сев. *áss* "Божество", а также др.-сев. *áss* "шесть как символ Божества", осет. *asin* "лестница" (в небо)]. Возможно также соотношение рассматриваемого слова с др.-инд. *andu* "chain for an elephant's foot", **anda-* "binding" (Божество как связь) и с нем. диал. *anden* "offenbaren" (гадание по топору, устанавливающее "связь времен"). В то же время топор символизировал божественное проникновение Земли и Неба (ср. в словаре Шевалье: "la hache: c'est symbole de pénétration spirituelle" [Chevalier, Gheerbrant : 483]). В связи с этим вполне понятна связь рассматриваемого английского слова с др.-англ. *ǣdre* "вена" (букв. "то, что внутри"), др.-фризск. (pl.) *eddre* "внутренности", др.-ирл. *in-anthar* "внутренности". Сюда же, видимо, и исл. *aedra* "страх".

Будучи символом Огня, топор олицетворял также Дух. Душу (огонь, по древним представлениям – это воплощение Души). Дух же – олицетворение всего Внутреннего (Божественного) в отличие от Внешнего: ср. в этой связи др.-англ. *adesa* "топор", но и.-е. **ad-*, **and-* "дышать"; "дух" (др.-англ. *oðian* "дышать") и и.-е. **dhes-* "дух, душа" (имелся в виду также и "дух растений", в частности, "хлебный дух": ср. и.-е. **ades-* "Getreideart, Spelt" [Pokorny 1959: 3]). Вместе с тем топор – символ божественного гнева, символ божественной кары, символ разрушения и болезни, посылаемых Божеством (ср. в словаре Шевалье: "la hache... symbole de colère, de destruction" [Chevalier, Gheerbrant 1982: 483]). В этой связи неудивительна следующая метафора топора: др.-англ. *ādil* "болезнь" [божественная кара, букв. "рассечение огнем"; ср. также и.-е. **ad-* "гореть" и и.-е. **ed-* "съедать" (об огне): болезнь в этом случае может пониматься как "съедение огнем"]. С другой стороны, топор как олицетворение Божества (ср. др.-сев. *adill* "Urheber, Schöpfer"; *qðlingr* "Fürst, König"; *eðli* "Natur, Wesen", ср. также: *atall* "furchtbar; streng, hart") описывался такими метафорами, как "славный, блестящий, прекрасный, великолепный" (ср. др.-англ. *ǣðele* "славный"). Следует иметь в виду, что все приведенные слова (др.-англ. *adesa* "топор",

др.-англ. *ǣdre* "вена", др.-фризск. *eddre* (pl.) "внутренности"; др.-англ. *ǣðele* "славный") восходят к сложению корней с исходным значением "огонь" > "режущий": и.-е. **ad-* "огонь" + **as-f-es-* "огонь; гореть"; и.-е. **ad-* "огонь" + и.-е. **ar-f-er-* "огонь; гореть"; и.-е. **ad-* "огонь" + и.-е. **al-f-el-* "гореть; огонь" (ср. также тох. А *atäl* "человек-микрокосм", букв. "огненный столб"; и.-е. **ater-* "огонь")⁴.

Топор выступал в древности и в качестве оберега (букв. "отсекающий злую силу"): ср. латышск. *āda* "кожа"; индо-арийск. **addana-* "щит", но с другой стороны, литовск. *adata* "игла".

С другой стороны, др.-англ. *adesa*, др.-сакс. *adesa* "топор" можно, видимо, истолковывать как состоящее из усилительной частицы *a-* и корня, представленного др.-в.-нем. *dehsala* "топор" (с соответствующим стяжением), др.-в.-нем. *dehsen* "mit einem Beile bearbeiten". В этом случае следует принять во внимание литовск. *diegti* "stechen"; *dėgti* "жечь, гореть"; тох. А *tak* "быть, существовать" (бытие как результат божественного рассечения Хаоса). Топор⁵ в древности, как мы говорили, символизировал Божество – Огонь, Огненную вертикаль: ср. русск. *топор*, но хет. *tapariyas* "prince, ruler" *tapar(r)iya* "determine, designate, rule", *tapar-* "govern". Топор понимался также как божественный Змей, рассекающий небо и землю (ср. латышск. *tarps* "червь, змея": ср. типологически русск. *червь* "резак") и уподоблялся Молнии. Топор – символ силы и высоты: ср. тох. В *tapre* "hoch", нем. *tapfer* "смелый". Кроме того, топор был предметом жертвоприношения: ср. др.-англ. *tiber* "жертвоприношение". Будучи символом божества, топор олицетворял Абсолютное. Божественное Время: ср. литовск. *dabar* "сейчас", тох. А *tāpārk* "сейчас". Вместе с тем, согласно представлениям древних, небесный божественный Топор (символ пениса) рассекает (букв. "прожигает") Землю и оплодотворяет ее (ср. литовск. *tarpti* "хорошо расти, процветать")⁶. В этом плане интересно сопоставить литовск. *vedegā* "топор" и тох. А *witsak* "корень растения"

³ Типологически ср. русск. *топор* < и.-е. **top-* "гореть" + и.-е. **ar-* "гореть"; нем. *Beil* "топор", но и.-е. **bhel-* "гореть, пылать"; др.-в.-нем. *dehsla* "топор", но и.-е. **dheg-* "гореть".

⁴ Ср., с другой стороны, хет. *etez, eteza* "on that side, there" (потусторонний характер Божества, символизируемого топором, буквально "отсеченный, отрезанный от мира людей").

⁵ Ср. др.-англ. *taper-āēx* "kleine Axt".

⁶ Ср. литовск. *stiprus* "крепкий, сильный".

(взаимопроникновение Неба и Земли). С другой стороны, топор выступал как символ божественного дождя: ср. нем. *Tropfen* "капля", тох. *A tarp* "пруд".

Олицетворяя Божество, Топор символизировал божественное Единство, т.е. андрогина: др.-англ. *adesa* "топор" < и.-е. **and-* "мужчина" + др.-сев. *dis* "женщина" ("богиня")⁷ [Jankuhn, Beck 1973]. Приведенный материал показывает, как опасно бывает при этимологизировании того или иного корня исходить из значений, соотносимых в современных языках: этимология — наука историческая и не может основываться на "здравом смысле".

Фаллическая символика змеи для этимологов является аксиомой [Wagner 1970; Paul-Stengel 1986]. Поэтому вполне естественны такие сопоставления, предложенные М.М. Маковским, как др.-англ. *hætan* "coire" и русск. змея: и.-е. **kuksis* "pudendum" и латышск. *čuska* "змея". В основе слов со значением "змея" и со значением "coire", "половые органы" > "рожать" лежит один и тот же этимон — "выгибать(ся) вовнутрь или вонне". Ср. соответственно 1) и.-е. **ket-* "гнать(ся)", выгибать(ся) — русск. диал. *камень* "гореть" (букв. "выгибаться: о языках пламени), и.-е. **kat-* "страстное желание, похоть"; 2) англ. диал. *kink* "узел; сгибание"; и.-е. **kenk-* "гореть" (букв. "выгибаться: о языках пламени"); и.-е. **ku(n)k-* "to swell"; "to make hollow": ср. лат. *concha* "pudendum" (также "раковина"). Подобным же образом валлийск. *aer* "змея" соотносится с осет. *арун* "рожать" (и.-е. **ar-* "гнать"); др.-инд. *taruh* "червь, змея", но др.-

англ. *teors* "penis" (и.-е. **ter-* "гнать, выгибать"). Не зная древней символики, А.С. Либман, однако, считает, что здесь перед нами "разные слова", никак не связанные между собой.

А.С. Либман не может согласиться с тем, что английское слово *girl* "девочка, девушка" соотносится с др.-англ. *gierelu* "одежда" (этимология Ф. Робинсона). В этой связи необходимо иметь в виду следующее. Исторические и археологические данные свидетельствуют о том, что на наиболее раннем этапе существования индоевропейцев женщины не только участвовали в сражениях, но и погребались согласно обычаям воинского сословия [Джонс-Блей 1997; Estés 1992; Quanter 1925; Zöisch 1989; Aliti 1989]. Интересно в связи с этим др.-сев. *ggr* "bereit, gerüstet" < др.-сев. *gera* "do, make" (> "compel, force": ср. англ. диал. *gar* "to force, to compel"). Важно, что значение "одежда" в древности могло соотноситься со значением "военная одежда", "обмундирование" > "снаряжение" (ср. англ. *gear* "снаряжение") и, наконец, "оружие" (ср. др.-англ. *gar* "Speer"). В этой связи типологически показательны примеры из осетинского языка: *garz* "оружие", но *gaerztae* "оружие" и одновременно "одежда". Типологически ср.: гот. *sarwa*, др.-англ. *searo* "оружие" но арм. *sor* "одежда"; др.-англ. *wip* "женщина", но *wāpen* "Waffe"; греч. *θηλυς* "женский", но лат. *telum* "метательный снаряд"⁸. Наряду с этим вполне возможна связь англ. *girl* "девочка, девушка" со шведск. *göra*, др.-сев. *gera* "творить" > "рождать" (типологически ср. русск. *женщина* < и.-е. **gen-* "творить, рождать"). В связи с этим необходимо иметь в виду, что женщина в древности уподоблялась Бездне. Бездна — творящее, дея-

⁷ Божественная целостность олицетворяется также единством Огня и Воды: и.-е. **ad-* "огонь", но и.-е. **adu-* "Wasserlauf". Вторая часть слова соотносится с и.-е. **as-* "гореть" (значение "цельный" может быть связанным с понятием огня: ср. др.-сев. *heitr* "горячий", но сербско-хорв. *чѣт*, болг. *чѣтав* "цельный, цельный").

Наконец, понятие топора связано с понятием камня (первобытные топоры изготавливались из камня, причем камень, как и гора, считался вместилищем божественной Души и олицетворял Божество и Вселенную): русское слово *топор* находит соответствие в греч. πέτρα "камень (с табуирующей метатезой); древнеанглийское же слово *adesa* "топор" соотносится с и.-е. **and-* / **ond-* "камень" (др.-инд. *adri* "камень") + др.-инд. *асап* "камень", авест. *asan* "камень" [Pokorny 1959: 778].

⁸ Интересно сопоставить типологически: арм. *sor* "одежда", но и.-е. **sor-* "женщина"; и.-е. **yes-* "одежда", "одеваться", но осет. *woes* "женщина"; др.-англ. *scrud* "одежда", но др.-сев. *skorð* "женщина"; др.-инд. *śela* "garment, clothes", но тох. *A. kuli* "женщина"; др.-сев. *lodda* "женщина", но др.-сев. *loda* "Mantel aus groben Wollenzeug".

С другой стороны, можно сопоставить: др.-англ. *ðir* "девушка", но др.-сев. *styr* "битва, борьба"; греч. γυνή "женщина", но др.-сев. *gunnr* "битва, борьба"; др.-сев. *dubba* "женщина", но ниже-нем. *dubben* "schlagen, stoßen"; валлийск. *gwraig* "женщина", но и.-е. **çereg-* "feindselig verfolgen", гот. *wrikan* "verfolgen"; ср. еще: др.-инд. *bhaga-* "vulva", но др.-в.-нем. *baga* "борьба".

тельное начало. В свете этих данных английское слово *girl* можно сопоставить, с одной стороны, с русск. *жерло*, а с другой – с др.-инд. *gir* "verschlingend" (букв. "Penis verschlingend"; ср. англ. диал. *gorlins* "testicles of a ram"). Значение "женщина" в древности символизировалось значением "женский половой орган", а это последнее метафорически олицетворялось значением "горло, глотка": ср. др.-сев. *prudr* "женщина", но англ. *throat* "горло, глотка"; ср. англ. *wesen*, англ. диал. *wesond* "горло, глотка" (и.-е. **ues-* "есть, съедать, глотать, пропускать через глотку"), но осет. *woes* "женщина"; англ. *girl* "девушка, девочка" (ср. северофризск. *gôr* "девушка", нем. диал. *Gurre* "девушка"), но русск. *горло*; лат. *gula* "глотка", но тох. *A kuli* "женщина".

Как указывает Б. Уолкер [Walker 1985: 25–26], "it wasn't unusual for barbarian armies to include women. Feminine magic power was often considered necessary for victory... Again and again, legends mention the women's magic cries, which made their enemies helpless". В этой связи английское слово *girl* "девушка, девочка" можно сопоставить с др.-инд. *gir* "Lied; Spruch, Stimme". Типологически ср.: и.-е. **sor-* "женщина" (первоначально "издающая воинственный клич": ср. лат. *sermō* "разговор, беседа, диспут", и.-е. **ser-* "издавать звуки"), но русск. *ссора* (ср. также русск. *свара* "вражда, перебранка").

Не зная языческую символику, нельзя проводить предложенное О.Н. Трубачевым весьма эффективное и важное для этимологии "решение задач на омонимы", в результате которого в ряде случаев выясняется, что слова, считающиеся омонимами, в действительности таковыми не являются [Трубачев 1985]. В этом плане интересно остановиться на индоевропейском корне **kob-* / **keb-*, рассмотрение которого у М.М. Маковского вызывает "недоумение" А.С. Либермана. Указанный корень означает "гнуть, выгибать", а также "связывать, образовывать узел": первоначально речь шла об связывающихся и переплетающихся языках священного костра. Следует отметить, что огонь в древности уравнивался с душой⁹. Вместилищем же души считалась

птица: ср. в связи с этим англ. *cob* "чайка", но греч. *καπός* • *φουχή* • *πνεύμα*; литовск. *kvepti* "atmen" (типологически ср. англ. *men* "чайка", но хет *meiua* "душа"). Рассматриваемый индоевропейский корень может означать не только выгибание вверх, но и выгибание вниз. В последнем случае можно сослаться на тох. *A kupar* "profond"; англ. *coomb* "впадина"; др.-инд. *gubha* "vulva", в первом случае – на англ. диал. *cobs* "testiculi": др.-сев. *skgpin* "penis"; ср. еще: англ. диал. *cobb* "top, summit"; др.-сев. *hopr* "Haufe"; литовск. *kópti* "steigen", а также *kēbti* "backen, braten, brennen". Что же касается англ. *cob* "лошадь", то необходимо иметь в виду, что лошадь в древности считалась символом подземного огня. Типологически ср.: др.-англ. *hros* "конь", но и.-е. **kres-* "strike fire"; русск. *конь*, но осет. *k'ona* "очаг, место разведения огня"; нем. *Stute* "кобыла", но др.-англ. *dyð* "огниво"; др.-в.-нем. *scelo* "жеребец", но и.-е. **kel-* "гореть, вздыматься ввысь (об огне)". Как показал О.Н. Трубачев, фригийское *kubela*, *kubeleya* могло иметь как значение "лошадь", так и значение "гора": культ малоазиатской богини-матери был связан с горой и одновременно с лошадью (гора, как и лошадь, уподоблялась огню) [ЭССЯ. 10: 97]. Значения "гнуть(ся)", "выгибать(ся)" часто лежат в основе значения "детеныш животного (ср. англ. *cub*), а также "сумка, ящик". Споры нет – чисто внешние между всеми разобранными значениями индоевропейского корня **keb-* / **kob-* нет ничего общего. Но ведь речь идет не о современных метафорах! Вполне естественно, что А.С. Либерман, не принимая во внимание языческую символику, историю человеческой ментальности и историю культуры, не может понять связь (да и самое существование) указанных метафор. А то, чего он не знает и не понимает, то, чего не видно на поверхности и не укладывается в современную человеческую логику, то для него вообще не существует: *de non apparentibus et de non existentibus eadem est ratio!*

В индоевропейской традиции практиковались ритуальные "похороны" девушки-невесты на пороге вступления ее в новую жизнь. Сначала девушку "хоронили" (ср. в связи с этим значения "девушка-невеста", с одной стороны, и "смерть" – "могила" – с другой), причем символом таких "похорон" был свадебный хлеб, олицетворявший могильный холм. Ср. в связи с этим др.-англ. *hlāf-dige* "девушка, приносимая в жертву богам" (девушка при этом считалась

⁹ Типологически ср. русск. *гореть*, но латышск. *gars* "душа". Значение и.-е. **kob-* "сплетаться" вполне объясняет значение англ. *cob* "любить": любовь в древности понималась как связь верхнего, среднего и нижнего миров (примеры см. [Маковский 1996: 201]). Значение же "связь" обычно соотносится со значением "сгибать".

жертвенным "хлебом"): ср. др.-англ. *hlāf* "хлеб" + совр. англ. диал. *dey* "девушка" (ср. др.-англ. *hlaf* "жена" + *diegan* "умирать") – "похороны" девушки считались жертвоприношением. С другой стороны, свадебный хлеб, олицетворявший могильный холм, был излюбленным предметом жертвоприношения. Отметим, что хлеб, приносимый в жертву богам, имел явно выраженную фаллическую символику ("похороненная" девушка-невеста уподоблялась зерну, брошенному в землю: сначала зерно гибнет, но затем дает всходы): ср. англ. *bride* "невеста" – англ. *bread* "хлеб" – англ. *breed* "размножаться, плодиться"¹⁰. Типологически

¹⁰ Ср. также исл. *bryðja* "сосуд" > "гроб"; интересно также принять во внимание англ. диал. *brot* "a straw mat; a covering" (платок, которым покрывали девушку-невесту, олицетворял саван); ср. далее исл. *i braut, i brott* "вон, прочь": именно понятие "вон, прочь, на периферии" в ряде языков лежит в основе названия потустороннего мира (типологически ср. франц. *au-delà* "потусторонний мир", букв. "там, на той стороне"; нем. *Jenseits* "потусторонний мир" (букв. "с той стороны"); ирл. *síð* "рай", но англ. *side* "сторона"); Отметим, что понятие горизонтального движения в древности имело магическое значение и, как правило, означало переход в мир иной: ср. англ. диал. *brud* "track or path", исл. *braut* "Weg". Типологически ср. гот. *-leipjan* "двигаться", но литовск. *laidoti* "хоронить", и.-е. **dhen-* "двигаться", но лат. *funus* "похороны".

В древности различалось также вертикальное движение – вверх (мужское начало) и вниз (женское начало). В связи с этим интересно происхождение русского числительного *сорок*. Следует иметь в виду, что в древности существовала так называемая вигезимальная система счета (счет по двадцати). Количество пальцев на руках и ногах человека как раз и равняется сорока при счете сверху вниз (женское начало) и снизу вверх (мужское начало). Ср. и.-е. **sor-* "женщина" (**ser-* "двигаться") + др.-сев. *rekkr* "мужчина, человек" (ср. др.-инд. *rohini* "wachsen, sich erheben"; украинск. *рух* "движение"; типологически ср. нем. *steigen* "подниматься вверх" но нем. диал. *Stieg* "двадцать"). Число "сорок" символизирует целостность, цельный цикл в процессе божественных свершений. Таким образом, русское число "сорок" олицетворяет андрогина как целостное единство мужского и женского начал движе-

ср.: др.-инд. *vah* "вступать в брак", но нем. *Weck* "(свадебный) пирог", англ. диал. *wig* "(свадебный) пирог" и ново-ирл. *uaigh* "могила".

Но какова методика этимологизирования в том "н о в о м" этимологическом словаре, который предлагает А.С. Либерман? Рассматриваемая статья А.С. Либермана как раз и посвящена этому вопросу. Визитной карточкой составляемого А.С. Либерманом словаря, его теоретических основ и используемых методик может служить приводимое в его статье этимологизирование английского слова *boy* "мальчик". Он пишет: «Англ. *boy* принадлежит к распространенным по всей Европе словам вроде англ. междометия *boo*, выражающего неодобрение (глагол *boo* "шикать, освистывать, отпугивать, назойливое животное"; синоним *boo-bo*: ср. детскую игру "ку-ку" – *boo-peep* в Англии, *peck-a-boo* в Америке). Этот звуковой комплекс первоначально означал существо, пугающее своим шумом» (с. 122). И так, нас тянут вспять, в темные времена подражательной этимологии, не имеющей ничего общего с подлинной наукой! Такая "этимология" была характерна для Средневековья и Античности и возникла задолго до появления научного языкознания [Klinck 1970].

Следует отметить, что название мальчика в индоевропейских языках обычно связывалось с понятием огня: мальчик-первенец нередко приносился в жертву богам, причем мальчиков сжигали на костре. В этой связи не подлежит сомнению, что английское слово *boy* "мальчик" непосредственно соотносится с и.-е. **bhā-* "гореть", "жечь". Следует учесть, что мальчика, как и любую другую жертву, перед жертвоприношением обычно связывали: ср. лат. *hoia* "оковы" < **bhā-* "гореть" (букв. "переплетаться": о языках пламени). Ср. семасиологические параллели: др.-сев. *drengr* "мальчик, юноша", но греч. *φλόκις* "огонь, пламя";

ния [Топоров 1998; Эдсман 1975]. Вместе с тем понятие целостности непосредственно соотносится с понятием огня (переплетение языков пламени): ср. и.-е. **ker-* "гореть" > **ser-* / **ker-* "join, link" и др.-инд. *śar-va* "целостный"; таким образом, русское слово *сорок* можно соотнести с и.-е. **ker-* (**ser-*) "гореть" (ср. англ. *sear* "палить") + тот же корень с метатезой **rek-* / **reg-* "гореть" (ср. лат. *rogus* "костер, огонь"). С другой стороны, ср. хет. *sarkus* "обладающий сверхъестественной силой".

ирл. *macc* "мальчик", но кельтск. **mag-* "огонь"; лат. *puer* "мальчик", но нем. *Feuer* (и.-е. **peucier-* "огонь"); англ. *fellow* "парень", но и.-е. **pelk-* "гореть" или и.-е. **pel-* "гореть" + др.-англ. *lieg* "огонь" [ср. **lag-* "класть" (в огонь)]. С другой стороны, в ряде случаев понятие мальчика, как и понятие ребенка, в индоевропейских языках соотносится с понятием "не говорящий, молчащий" (ср. др.-русс. *от-рокъ* "мальчик" и др.-русс. *рекаѣи* "говорить"; лат. *in-fans* "ребенок", которое соотносится с отрицанием *in-* и глаголом *fari* "говорить"; греч. τέκνον "ребенок", др.-англ. *þegn* "юноша", но лат. *tacere* "замолчать, молчать", др.-сев. *þegja* "be silent"). Учитывая широко распространенную в языческом обществе энантиосемию, можно соотнести английское слово *boy* с и.-е. **bhā-* "издавать звуки, говорить" (ср. др.-англ. *bōtan* "говорить, издавать звуки", букв. "говорить около огня"). Ср. семасиологические параллели: греч. μῦθος "слово, речь", но лат. *mutus* "немой, не говорящий"; русск. диал. (северные диалекты) *гунить* "говорить", но русск. диал. (тамбовск.) *гунеть* "замолкнуть"; латышск. *gūnēt* "говорить", но гаэльск. *ruine* "молчание"; греч. λαλεῖν "говорить", но цыганск. *laloro* "немой"; и.-е. **cek-* / *ceg-* "издавать звуки" (ср. др.-в.-нем. *sweglon* "издавать звуки"), но др.-в.-нем. *swigen* "молчать". Индоевропейские корни **bhā-* "гореть" и **bhā-* "говорить" соотносятся не только между собой, но и с корнем **heu-*, **bheu-*, **bhū-* "schwellen". Однако понятие "вздуваться, вздыматься" (об огне) > "быстро двигаться" соотносится с понятием "остановиться" > "замолчать" (энантиосемия). Ср. в этой связи: индоарийск. **jal* "гореть", но литовск. *tylėti* "молчать, замолчать"; лат. *sinctare* "остановиться", но и.-е. **kenk-* "гореть, быстро вздыматься вверх" (об огне); литовск. *galas* "конец, окончание", но и.-е. **ghel-* "гореть"; ср.-н.-нем. *hören* "остановиться, прекратить", но и.-е. **ker-* "гореть"; и.-е. **tep-*, **top-* "гореть", но англ. *stop*.

Но может быть этимологизирование английского слова *boy* на основе ономатопеии является в словаре А.С. Либермана досадным исключением? Ничуть не бывало! А.С. Либерман отрицательно относится к этимологизированию на основе индоевропейских корней (словарь Ю. Покорного) и детерминативов (у А.С. Либермана ошибочно "детерминантов") и предпочитает выделять самостоятельные "модели" типа **fi-* "дви-

жение в разные стороны, движение взад и вперед" (со всеми ступенями аблаута и с различными распространителями). В подобную модель входят, например, такие английские слова, как *fuck* "соить", *fake* "подделывать", *fit* "приступ", *fit* "соответствовать", *fetch* "пойти и привести", *fib* "врать", *fickle* "переменчивый", *fiddle* "скрипка", *fuddle* "сбивать с толку", *fidget* "ерзать", *fob* "обманывать", *fop* "хлыщ".

Возникает вопрос: на каких лингвистических, социологических, культурологических, исторических основаниях для указанной группы слов постулируется значение "двигаться"? Таких оснований нет, поскольку значение движения выводится здесь только на основаниях логических, сиоиминутных, основанных на "здравом смысле" современного человека. Как можно, например, на основе идеофонии этимологизировать такие английские слова, как *bad* "плохой", *back* "спина", *blood* "кровь", *board* "доска", *bread* "хлеб", *read* "читать" и многие другие? Можно ли на основе идеофонии решить одну из основных проблем составления английского этимологического словаря — дать этимологию того довольно значительного блока исконных германских слов, которые во всех изданных этимологических словарях английского языка сопровождаются пометами "этимология неизвестна", "этимология неясна"? Важно иметь в виду, что целый ряд значений с точки зрения современного языка вполне можно логически соотнести со значением "двигаться" или с каким-либо другим значением, тогда как на самом деле их этимон исторически мог быть совершенно иным, причем значение "двигаться" или какое-то другое значение, к которым сводится значение той или иной идеофонической группы, может быть лишь звеном в совершенно различных цепях значений.

Понятия движения, света и звука, наиболее часто соотносимые с идеофонией, настолько пронизывают всю человеческую жизнь и деятельность, что чисто логически к ним можно свести практически любое значение в языке. С другой стороны, любое сочетание любых звуков в любом языке (древнем или новом) можно с легкостью объявить идеофоном вопреки фактам и языковой реальности. Один и тот же корень в процессе развития в разных языках может обнаружить значения, логически не соотносимые между собой, но вполне объяснимые на основе истории культуры (ср. решение задач на омонимы у О.Н. Трубачева). Так, индоевропейский корень **uer-* может выражать следующие мифо-

поэтические образы: движения (ср. др.-англ. *worian* "двигаться"), огня (и.-е. **uer-* "огонь, гореть"), души (тох. А *wras* "дыхание"), слова (и.-е. **uer-* "издавать звуки": англ. *word* "слово"), творения (и.-е. **uer-* "творить": англ. *work* "работа"), колдовства (русск. *ворожить*), увеличения, роста (др.-инд. *vidh-* "расти", авестийск. *vared-* "расти"), дерева, леса (латышск. *veris* "густой лес"), почитания богов (лат. *vereor* "почитать, преклоняться"), ущерба (русск. *вред*, *вредить*; русск. *враг*), верха, неба (и.-е. **uer-* "верх"), времени (и.-е. **uer-men*; русск. *время*), воды (тох. А *war* "вода"), бытия (др.-сев. *vaga* "быть"), начала (тох. А *warn-* "начинать"). В мифопоэтической традиции понятие свободы соотносится с понятием божественной непрерывности, абсолютного времени, свободного от пут земли и тела: речь идет, в частности, о непрерывности рода, о непрерывности Мировой Души, о божественной Гармонии, божественном Порядке, т.е. о божественной Связи. Возможны соотношения понятий "свободный" > "продолжающий род"; "свободный" > "время, вечность"; "свободный" > "связанный, образующий единую цепь": ср. лат. *liber* "свободный", но лат. *liberi* "дети"; англ. *free* "свободный", но лат. *pariō* "родить, произвести на свет, продолжить род" (лат. *spirō* "дышать"); литовск. *arvas* "frei", но осет. *waryn* "родить, произвести на свет". Ср. также соотношение понятий "свободный" > "связанный, образующий непрерывность": ср. русск. *свобода*, но и.-е. **sueib-* "скручивать, связывать", тох. А *sopi* "Netz"; др.-инд. *muñcāti* "освободить", но англ. диал. *munk* "веревка"; ср. вместе с тем англ. *free* "свободный", но др.-сев. *foeri* "время, вечность"; лат. *liber* "свободный", но др.-сев. *lied* "время" + греч. *ώρα* "время". В мифопоэтической традиции вечность, непрерывность, целостность, а следовательно и свобода олицетворяются змеей: ср. англ. *free* "свободный", но англ. диал. *free* "червь, змея"; свобода также приравнивалась к экстазу: ср. русск. *свобода*, но др.-в.-нем. *swebida* "сон", латышск. *svabads* "усталый"; лат. *liber* "свободный", но др.-сев. *liedla* "экстаз" [Eliade 1938]. Можно с уверенностью сказать, что при построении идеофонических рядов с общим значением движения или свободы слова со всеми указанными значениями не войдут в эти ряды, поскольку эти значения внешне не очевидны, не оправдываются "здравым

смыслом", который лежит в основе применения фоносемантических методов в этимологии, сближая ее с народной этимологией. С другой стороны, в идеофоническую группировку могут попасть слова, ничего общего не имеющие с этимологией (исходным значением), постулируемым для этого ряда. *Descriptum specie recte!* В своей статье, опубликованной во втором номере рецензируемого журнала, А.С. Либерман пытается "этимологизировать" английские слова *pig* "свинья" и *big* "большой" на основе идеофонии. Он постулирует идеофонический комплекс *h/p* + гласный + *d/t*, *g/k*, куда, по его мнению, входят такие английские слова, как *big*, *bug*, *bag*, *hogeys*, *pack*, *pug*, *pig* и другие с исходным значением "раздуться и вызывать страх". Что касается слов со значением "большой" в индоевропейских языках, то они соотносятся со значением "разрывать, расщеплять" > "увеличивать": ср. лат. *grandis* "большой", но англ. *grind* "молоть"; тох. А *tsopats* "большой" но литовск. *dabti* "schlagen"; русск. *великий*, но и.-е. **uel-* "schlagen"; ирл. *oll* "большой" < и.-е. **pel-* "schlagen"; русск. *большой*, но и.-е. **bhel-* "schlagen". В свете этих данных английское слово *big* "большой" можно соотнести с и.-е. **bheg-* "zerschlagen, zerbrechen" (вместе с тем вполне возможно, что речь здесь идет об огне, который высекался из дерева: древняя метафора огня – "большой": ср. англ. *big* "большой", но и.-е. **bheigh-* "сверкать, гореть", и.-е. **bhok-* "гореть"; подобным же образом ирл. *oll* "большой", но и.-е. **pel-* "гореть"). Что же касается англ. *pig* "свинья", то необходимо иметь в виду следующее. Свинья в древности была обычным предметом жертвоприношения. Ср. этой связи хет. *pe-*, I-е л.ед. числа *pehhi* "geben, opfern"; лат. *pignus* "залог, нечто, данное в залог божеству" > "жертвоприношение"; ср., с другой стороны, и.-е. **pek^h-* "verbrennen" (жертву бросали в огонь). Вместе с тем свинья – символ Зла и Хаоса: ср. литовск. *peikti* "tadeln, schmähen"; *pykti* "zürnen, böse sein"; *paikas* "dumm"; *pikulas* "Teufel"; др.-инд. *piñjalāh* "chaotic" [Mann 1985]; литовск. *pigūs* "дешевый". Возможно, однако, что англ. *pig* "свинья" соотносится с окраской животного: ср. др.-инд. *piṅgala* "rotbraun" (цвета Преисподней) Свинья – символ колдовства, сверхъестественной силы: ср. латышск. *spēks* "(сверхъестественная) сила" [Panizza 1978]. Жук в древности имел двойственную символику. С одной стороны, это – символ смерти, болезни,

ненависти, проклятия (ср. англ. *bug* "жук" и нем. диал. *buggeren* "проклинать"; хет. *puk* "ненависть"); с другой стороны, жук как вместилище души (душа олицетворялась огнем: ср. англ. *bug* "жук" и прусск. *spanxti* "Funke"; и.-е. **bhok-* /**bhuk-* "гореть"; огонь"; нем. *Spuk* "дух, привидение") всячески обоготворялся (ср. осет. *buz* "благодарность, благодарный"; др.-инд. *bhuḡ* "pleasure"). Будучи символом и Солнца и Огня, жук в древности нередко символизировал сердце (ср. др.-инд. *bukkā* "сердце"); у некоторых народов существует обычай на сердце покойника класть амулет в виде жука (например, скарабея) [Маковский 2000, s.v.].

Этимологический анализ, построенный на основе идеофонии, неизбежно влечет за собой: 1) невозможность использования фонетических законов¹¹; 2) произвольность включения слов в идеофонический ряд и произвольность исходного значения (этимона), приписываемого всем словам того или иного идеофонического ряда; 3) невозможность проведения диахронического анализа, являющегося основополагающим для любой этимологизации; при этом поскольку рассмотрение идеофонов возможно только в диахронии, не учитывается историческая изменчивость формы и значения слов; 4) невозможность выявить траекторию развития значений (метафор) и последовательность (историю) перехода значений того или иного слова; 5) невозможность морфологического анализа этимологизируемых слов; 6) невозможность широких межязыковых сопоставлений в синхронии и в диахронии, а также установления хронологического статуса исследуемых лексических единиц; 7) игнорирование того факта, что ни одно этимологическое решение, даже

самое гениальное, не является истиной в последней инстанции, а представляет собой гипотезу; идеофония всегда однозначна, всегда замкнута в себе, всегда статична и не допускает разночтений. Как справедливо отмечал А.А. Реформатский, "отрицать звукоподражательные слова в языке нельзя, но думать, что таким механическим и пассивным образом возник язык, было бы совершенно неправильно. Язык возникает и развивается у человека совместно с мышлением, а при звукоподражании мышление сводится к фотографии" [Реформатский 1967 : 467]. Однако А.С. Либман считает, что "исследование слов типа *fit-/fick-/fib-* существенно для понимания самых глубинных процессов, которыми занимается этимолог-индоевропеист" (с. 123). Совершенно непонятно, какое отношение может иметь этимолог-индоевропеист к идеофоническим упражнениям, постулируемым А.С. Либманом. Любопытно, что несколько далее А.С. Либман утверждает, что "распознавание подобных моделей может оказаться полезнее, чем ссылка на корни и детерминанты" (с. 124). Более того, как уже говорилось, во втором номере журнала "Язык и речевая деятельность" А.С. Либман посвятил специальную статью "Фоносемантика и этимология". Но что представляет собой комплекс *f-k*, основную роль в котором, несомненно, играет *f*? Даже если допустить, что перед нами не корень и не архетип, а идеофон, трудно понять, является ли рассматриваемый комплекс общиндоевропейским, общегерманским, "общеевропейским" (в этом случае необходимо было бы указать, к какому хронологическому периоду развития языка он относится) или "общечеловеческим". Для этимолога, который имел дело с индоевропейским материалом, не подлежит сомнению, что слова, включенные в указанную группу, имеют свою индоевропейскую историю, от исследования которой А.С. Либман явно уклоняется, свалив все эти слова в одну кучу. В качестве заглавного слова, представляющего выделяемую им группу слов (скажем, вряд ли можно назвать лексиков-семантическим гнездом, поскольку она включает в себя разнокоренные слова), А.С. Либман выбирает английское слово *fuck* "coire". Это слово соотносится с тох. *A puk* "поклоняться, обожествлять" (язычники обожествляли половые органы и поклонялись им)¹². В

¹¹ В отношении использования фонетических законов необходимо иметь в виду высказывание крупнейшего этимолога нашего столетия В.И. Абаева: «Нужно быть слепым, чтобы не видеть тех громадных результатов, которые достигнуты в языковедении на основе исследования и учета фонетических закономерностей. Но нужно быть если не слепым, то очень близоруким, чтобы не заметить тех поправок, которые жизнь на каждом шагу вносит в звуковые "законы". Я сказал бы так: исследование, основанное на рабской вере в непогрешимость звуковых законов, обесценивается наполовину; исследование, вовсе игнорирующее эти законы, не имеет вообще никакой цены» [Абаев 1933: 7–8].

¹² Английское слово *fuck* "coire" можно также сопоставить с и.е. **(s)pieu-/poi-* "лить

качестве типологических параллелей можно указать на следующие: др.-сев. *heytili* "Zeugungsglied des Hengstes", но тох. В *peti*, А *poto* "Verehrung" [Pokorny 1959 : 114]; др.-инд. *bhaga* "vagina", но русск. *бог*; индо-арийск. *sāpa* "penis", но *sap* "ehren, hochhalten" лат. *future* "coire", но и.-е. **kʷent-* "holy"; др.-инд. *serdan* "coire", но др.-инд. *sri* "mächtig"; "Pracht, Majestät, Schönheit", др.-инд. *sartha* "sinnovoll; bedeutsam" (Божественный Разум олицетворял Божество). С другой стороны, английское слово *fuck* можно соотнести с англ. диал. *fike* "to move restlessly"; швед. *fika* "to make restless movements"; исл. *fika* "to climb up nimbly, as a spider"; дат. диал. *fige* "to hasten, to hurry". Однако значение "двигаться" не является для всех этих слов первичным: более ранним является значение "рвать, разрывать" (ср. и.-е. **pek-* "rupfen, zausen"). Типологически соотношение значений "рвать, разрывать" > "двигаться" можно проиллюстрировать следующими примерами: и.-е. **lek-* "zerreißen", но и.-е. **leig-* "hüpfen, springen", **leg^h-* "sich bewegen"; и.-е. **kel-* "zerreißen", но и.-е. **kel-* "sich bewegen"; **aik-* "mit einer spitzen Waffe treffen", но и.-е. **aig-* "sich heftig bewegen" и др. В свою очередь и.-е. корень **pek-* "rupfen, zausen" представляет собой образование с преформантом от и.-е. корня **ak-* "scharf"; "schneiden" (ср. и.-е. **ak-* "scharf" но шведск. *aka* "fahren, sich bewegen"). Ср. и.-е. корень **ak-* "scharf" с другими преформантами: и.-е. **bhak-so* "beat, ram, thrust" [Mann 1985 : 62]; **dak-* "bite, tear, gnaw" [Mann 1985 : 131]; **lak-* "tear, rip" [Mann 1985 : 660]; **mak-* "kneten, drücken"; **reig-* "break, tear"; **sek-* "schneiden"; **tako-* "touch, hit, break". Важно иметь в виду, что понятие разрыва (в частности, разрыва от удара) в мифопоэтическом мышлении символизировало т в о р е н и е и р о ж д е н и е [Топоров 1996], а понятие движения, тесно связанное с понятием разрыва, символизировало божественные перевоплощения и превращения (рождение считалось божественным перевоплощением).

А.С. Либерман отмечает, что входящие в устанавливаемые им идеофонические группы слова "возникают друг от друга целиком" (sic!) (с. 124), а не восходят к единому корню и не образуются с помощью расширителей, суффиксов и аффиксов¹³. Но какова та

"новая" схема исследования, которой А.С. Либерман заменяет "старую"? Она ни в чем не отличается от "старой" с той лишь разницей, что А.С. Либерман ориентируется не на те корни, которые бесспорно установлены наукой, а на другие "корни", а именно те, которые без достаточных на то оснований придумал сам А.С. Либерман. Правда, обычные корни А.С. Либерман называет "общей частью слова", которая представлена со всеми ступенями аблаута и с "распространителями" (это – те же детерминативы) – дентальным, лабиальным, велярным. При этом, сам того не замечая, А.С. Либерман путает термин "общая часть слова" со столь ненавистным ему термином "корень". Постулируя на с. 122 свой идеофон *f-k*, он пишет: "В к о р н е *f-k* (sic!) варьируют не только гласные, ... но и согласные". Как показывают специальные исследования, детерминативы не являются "пустыми" формативами, которыми можно пренебречь. Напротив, детерминативы в составе слова тесно взаимодействуют с корнем и с преформантами – носителями иерархически неодинаковых "внутрисловных энергий"; они могут влиять на изменение значения слова или обусловить невозможность семантических изменений, нейтрализацию или катализ части значений, а также перераспределение внутрисловных "энергий" [Сукиасян 1984; Туманян 1978]. При этом весьма важно соотношение и взаимодействие количественного и качественного состава слова и его комбинаторных параметров (детерминатив – существенная часть комбинаторики слова, как и преформант или корень). Вот почему опора лишь на идеофонию при этимологизировании не только упрощает, но и искажает историю слова, подменяя исторические процессы синхроническими напластованиями, заслоняя исконное и глубинное наносным и преходящим.

А.С. Либерман обращает особое внимание на то, что в постулируемых им идеофонах могут быть и н ф и к с ы, ссылаясь при этом на работу Де Фриса 1959 г. Однако ему, видимо, не известна основополагающая работа об инфиксах в индоевропейском Х. Карстина [Karstien 1971].

Тот факт, что определенные английские слова зафиксированы в текстах лишь в XVI–XVII вв., не дает нам права исследовать эти слова фоносемантическими методами:

(сперму); поить (спермой)" (ср., с другой стороны, и.-е. **puḡos* "vulva" [Mann 1985: s.v.]).

¹³ А.С. Либерман пишет: "После долгих

колебаний я решил не ссылаться на корни типа тех, которые даны у Покорного" (с. 124).

эти методы, за редкими и несущественными исключениями, вообще неприменимы в этимологии как исторической дисциплине. Следует иметь в виду, что слова, зафиксированные только в текстах того или иного периода, вполне могли существовать в языке до этого периода.

Говоря о постулируемом им идеофоне *f-k*, А.С. Либерман отмечает, что «если бы исследовались не английские слова, зафиксированные сравнительно недавно, а индоевропейские прилагательные, существительные и глаголы, то был бы выделен корень **fi-* "движение в разные стороны"». В индоевропейском по известным фонетическим соображениям вообще не могло быть корня **fi-* (можно представить себе корень **pei-*, но он имеет другое значение).

Интересно, что при оценке своих собственных этимологий и этимологий своих коллег А.С. Либерман пользуется двойным стандартом: достоверность этимологий своих коллег он "критикует" с точки зрения их соответствия основным параметрам сравнительно-исторического анализа (в той мере, в которой А.С. Либерман владеет этим методом), но достоверность своих собственных этимологий А.С. Либерман оценивает только с точки зрения фоносемантики, причем он всячески подчеркивает, что он от ка з ы в а е т с я от основных понятий и процедур индоевропеистики. Бросается в глаза предвзятость, надуманность доводов А.С. Либермана. Он не приводит никакой серьезной научной аргументации, ставящей под вопрос или исключаяющей возможность тех или иных этимологических сближений, которые он "критикует", не приводит какого-либо нового, ранее не известного индоевропейского материала, в свете которого "критикуемая" им этимология представляла бы как совершенно не имеющая под собой почвы (или этимон этимологизируемого слова предстал бы в ином ракурсе). У А.С. Либермана всегда одна и та же "аргументация", когда он "критикует" этимологические решения своих коллег: "я такого соотношения значений не встречал", "вроде ли можно сближать такое-то значение с таким-то", "я не вижу ничего общего между значениями сопоставляемых слов". Субъективностью подобной "аргументации" не нуждается в комментариях: необходимы не беспочвенные заявления, но реальные, документированные доказательства. Отметим, что А.С. Либерман никогда не дает самостоятельной этимологии тех слов, анализ которых он "критикует" у своих коллег.

В отношении так называемых "новых" корней (или "общих частей слова") А.С. Либермана, у специалиста сразу возникает целый ряд вопросов. Всегда ли те слова, которые подводятся А.С. Либерманом "под одну шапку", имели ту форму и значение, которые представлены в современном английском языке? В чем преимущество "новых" корней по сравнению со "старыми"? Можно ли все слова английского языка (или большую их часть) "загнать" в идеофонические наборы и как исследовать те слова, которые в такие наборы не умещаются? А.С. Либерман говорит, что "абсолютно изолированные слова" (т.е. слова, не укладывающиеся в идеофонические группировки) якобы не составляют большинства (с. 123).

Наборы слов, постулируемые А.С. Либерманом, известны лингвистам очень давно. Можно указать, например, на собрание идеофонов типа *tex*, которые приводит В.И. Абаев со значением "круглый, выпуклый, вздутый" [Абаев 1979 : 331-334]. Важно иметь в виду, что ни один индоевропейский язык не может полностью или хотя бы в большой степени состоять только из идеофонов. К тому же этимологизирование на основе идеофонов в значительной степени становится невозможным, если учесть такие явления, как мена согласных в начале слова, опускание преформантов в начале слова, тмезис.

"Этимологизация" на основе звуко-образительных слов, как уже говорилось, типична для эпохи Античности и Средних Веков, но в наше время такая "этимологизация" является анахронизмом и может вызвать лишь улыбку лингвиста, хотя, конечно, "этимологизировать" на основе идеофонов намного легче, чем на основе сравнительно-исторического метода, и требует значительно меньше специальных знаний [Bech 1921; Klinck 1971; Pinborg 1961; Reitzenstein 1964; Woodhead 1928].

Отметим, наконец, что в разделе "Литература" в конце статьи А.С. Либермана имеется ссылка на работу М.М. Маковского "Теория лексической аттракции". А.С. Либерман ссылается на два издания этой работы – 1971 г. и 1977 г. Книга М.М. Маковского издавалась только в 1971 г.; в 1977 г. эта книга не издавалась.

Далее в первом номере рецензируемого журнала следует рубрика "Школы и направления в лингвистике. Из истории языкознания". Здесь помещены статьи В.В. Колесова "К характеристистике методологических основ петербургской русистики", Д.Н. Чердакова "А.С. Шишков и А.Х. Восто-

ков: к вопросу о соотношении старого и нового в истории отечественной филологии", статья В.С. Храковского и А.К. Оглоблина "Школа А.А. Холодовича", статья Л.В. Бондарко "Фонетика и лингвистика (к 65-летию кафедры фонетики)", Л.Р. Зиндера "В.М. Жирмунский и островная диалектология" и М.И. Стеблина-Каменского "Экзамен у Щербы" (с. 100–198). Первый выпуск журнала завершается "Хроникой".

Во втором номере журнала "Язык и речевая деятельность" за 1999 г. в рубрике "Вопросы общей теории и синхронного описания языков" опубликованы статьи Т.де Граафа "Лингвистические базы данных и языковые меньшинства по обеим сторонам Северного Тихоокеанского Пояса", исключительно интересна статья В. Бичакджяна "Language diversity and the straight flush pattern of language evolution" (с комментарием В.Б. Касевича и Н.Н. Казанцева), а также статьи В.М. Павлова "Слитное и раздельное написание в немецких текстах XX века – словосложение и синтаксис", В.Б. Касевича "Язык, этнос и самосознание", Р.Ф. Фрумкиной «Когнитивная лингвистика или "психоллингвистика наоборот"?»; указанная выше статья А.С. Либермана, статья М.К. Сабанеевой "Эпистематическая модальность высказывания в ракурсах прагматики и формальной логики", статья К. Гора "Influence of second language orthography and morphology on interlanguage phonology" и статья Л.В. Зубовой "Лингвистический эксперимент современной поэзии с категорией рода". В разделе "Диахроническая лингвистика" опубликованы статьи И.М. Дьяконова "Древнейшие семиты: социолингвистическая реконструкция", статья Ю.А. Клейнера "Закон Сиверса (германские языки)", статья К. Гоблириша "The mechanism of consonant shift in Germanic" и статья А.В. Циммерлинга "Древнегерманский как язык SOV?". Номер завершается разделом "Направления и школы в лингвистике. Из истории языкознания". Здесь напечатаны следующие статьи: Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева, "ИРК и советское языкознание 20–30-х годов"; И.С. Иванова "Начало изучения детской речи в русской лингвистической традиции", В.М. Энгельгардт "Теория словесности в лингвистической системе А.А. Потебни" и др. В "Кратких научных сообщениях и материалах" помещены статьи А.И. Моисеева «"Урочище". Историко-этимологическая заметка», А.В. Павлова "О речи русских в Германии" и В.М. Сардушкина "К проблеме грамматической категории рода в албанском языке".

Как видно из нашего обзора, в новом лингвистическом журнале поднимаются и

обсуждаются актуальные лингвистические вопросы, а авторами статей являются известные российские и зарубежные специалисты. Хотелось бы пожелать, чтобы новый журнал стал еще одним центром кристаллизации и циркуляции лингвистических идей на благо российской и мировой науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И. 1933 – О "фонетическом" законе // Язык и мышление. I. М., 1933.
- Абаев В.И. 1979 – Историко-этимологический словарь осетинского языка. III. М., 1979.
- Джонс-Блей К. 1997 – Женщины и война в индоевропейском мире // Стратум: Структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997.
- Маковский М.М. 1998 – Метаморфозы слова (табуирующие маркеры в индоевропейских языках) // ВЯ. 1998. № 4.
- Маковский М.М. 2000 – Историко-этимологический словарь современного английского языка. М., 2000.
- Сукиасян Г.В. 1984 – Детерминативы в армянском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1984.
- Топоров В.Н. 1996 – Об одном парадоксе движения // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Тумянц Э.Г. 1978 – Структура индоевропейских имен в армянском языке. М., 1978.
- Эдельман Д.И. 1975 – К генезису вигезимальной системы числительных // ВЯ. 1975. № 5.
- ЭССЯ 1983 – Этимологический словарь славянских языков. 10. 1983.
- Aliji A. 1989 – Die wilde Frau. Rückkehr zu den Quellen weiblicher Macht. Berlin. 1989.
- Bech H. 1921 – Etymologie und Lautbedeutung im Lichte der Geisteswissenschaft. Stuttgart, 1921.
- Chevalier J., Gheerbrant A. 1982 – Dictionnaire des symboles. Paris, 1982.
- Estés C.P. 1992 – Women running with the wolves. Myths and stories of the wild woman archetype. New York, 1992.
- Éliade M. 1938 – La concezione della libertà nel pensiero indiano // ASA, 1938.
- Jankuhn H., Beck H. 1973 – Axtkult // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. I. Berlin. 1973.
- Karstien H. 1971 – Infixe im Indogermanischen. Heidelberg, 1971.

- Klinck R.* 1971 – Die lateinische Etymologie des Mittelalters, München, 1971.
- Mann S.* 1985 – An Indo-European comparative dictionary. Hamburg, 1985.
- Panizza O.* 1978 – Das Schwein in poetischer, mythologischer und sittengeschichtlicher Sicht. Berlin, 1978.
- Paul-Stengel C.* 1986 – Schlangenspuren. Reptilien in der Kulturgeschichte. Berlin, 1986.
- Pinborg J.* 1961 – Interjektionen und Naturlaute. Petrus Heliae und ein Problem der antiken und mittelalterlichen Sprachphilosophie // *Classica et Mediaevalia*. 1961. Bd. 22.
- Pokorny J.* 1959 – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Quanter R.* 1925 – Das Weib in den Religionen der Völker. Berlin, 1925.
- Reitzenstein R.* 1964 – Geschichte der griechischen Etymologika. Amsterdam, 1964.
- Wagner D.* 1970 – Die Schlange im Kult, Mythos und Vorstellung. München, 1970.
- Walker B.* 1985 – The woman's encyclopedia of myths and secrets. San Francisco, 1985.
- Woodhead W.D.* 1928 – Etymologizing in Greek literature from Homer to Philo Judaeus. Diss. Chicago, 1928.
- Zötsch C.* 1989 – Powergirls und Drachennädchen. Berlin, 1989.

М.М. Маковский